

Александр Кердан

**СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ
В ШЕСТИ ТОМАХ**

Том 5:

**Стихотворения.
Венок сонетов.
Поэмы.**

Том 6:

**Стихотворения.
Переводы. Сказки.
Очерки**

Екатеринбург,
2021

Координатор Ассоциации писателей Урала, сопредседатель Союза писателей России, поэт и прозаик Александр Кердан издал в Екатеринбурге шеститомное собрание своих сочинений. Издательство «АсПУр» сумело выпустить opus magnum объемом в несколько тысяч страниц и создало возможность для ретроспективного исследования текстов автора.

Александр Кердан начал свой литературный путь как стихотворец. Первые его тексты — это любовная, гражданская, пейзажная, философская, патристическая лирика. Автор после стихов взялся за прозу, но не оставил «дело Ариона». «В искусстве важен искус строгий», — любил повторять Валерий Брюсов. Александр Кердан выпустил десятки поэтических сборников, его стихотворения вошли в федеральные антологии и оставили след в региональной литературе.

Типический разговор о поэте и поэзии — коварный жанр. Говоря о стихах, легко соскользнуть несколько ввысь или вбок: начать изучать родословную поэта, пересказывать его сюжеты, решать мировые вопросы, беседовать о судьбе стран, континентов в традициях Писарева и Белинского. Есть другой соблазн — оценивать стихи, как ремесленник или наследник Осипа Брика. Камчатский критик Василий Ширяев утверждал, что критика стихов может быть только формальной — мнение, на наш взгляд, неосновательное. Сам Василий по базисной профессии переводчик, сочиняет в столбик изредка, от случая к случаю, и не вполне чувствует законы этого древнего жанра.

Пушкин утверждал: поэта следует оценивать в границах правил, установленных им самим. Однако наиболее компетентная, авторитетная инстанция не современники, не толпа и не чернь.

Ты сам свой высший суд;
Всех строже оценить умеешь ты свой труд.
Ты им доволен ли, взыскательный художник?
(Александр Пушкин)

Литературная судьба Александра Кердана кажется производной обстоятельств и времени. Офицер Советской армии, автор отдал дань жанровым канонам эпохи восьмидесятых — отнюдь не бесспорным. Часть его поэтического наследия — сюжетные стихотворения, баллады, фельетоны, поэмы во многих главах. Оставаясь лириком, поэт нашел себя в крупной форме, стал «эпиком», вывел из частных посылок некие обобщения. В этой связи логично обращение Александра Кердана к прозе, романистике. Автор привычным жестом вызывает огонь на себя. От комсомольской и офицерской лирики — один шаг до писания «Человеческой трагедии» в духе Бальзака, Золя и Драйзера, где одним романом не обойтись.

Настоятельно необходимо объяснить: «Кто мы такие? Откуда взялись? Куда мы идем?» — в новых исторических условиях, на новом материале. Однако — «ты помнишь, как всё начиналось»?

Первое стихотворение пятого тома воскрешает в памяти образчики Серебряного века отечественной поэзии. Оно представляет собой признание в любви классикам — в метафизическом, иносказательном смысле. Ритм заглавного текста череват смыслами, набухает кровью традиции.

Доверившись зыбкой стихии
И клятвам недолгим твоим,
Пустился я в путь по России,
Речною волною гоним.

Непросто прощаться с причалом,
Но шаг уже сделан, и вот
Волна, словно люльку, качает
Не модный давно пароход.

...Я плыл, и дыханье свободы
Витало над всем и везде.
И сосны, как в поисках брода,
Бродили по пояс в воде.

(Александр Кердан, 1988)

Рыдай, буревая стихия,
В столбах громового огня!
Россия, Россия, Россия, —
Безумствуй, сжигая меня!
(Андрей Белый, 1917)

Ты завтра очнёшься от спячки
И, выйдя на зимнюю гладь,
Опять за углом водокачки
Как вкопанный будешь стоять.
(Борис Пастернак)

Принесли букет чертополоха
И на стол поставили, **и вот**
Предо мной пожар, и суматоха,
И огней багровый хоровод.
(Николай Заболоцкий)

Лирический герой ранних стихов Александра Кердана — конквистадор без панциря. Этот персонаж до кровинки здешний, земной человек. Он наблюдателен, отзывчив, он воспитанник не «Аполлона единого», у него есть присяга. В этом смысле он брат двум Николаям — Тихонову и Гумилеву.

Стихи выходят точными, хорошо передают зрительное впечатление, верно схватывают эмоцию. Поэт, несмотря на классическую выучку, остается собой.

Невольные аллюзии и реминисценции преследуют российских поэтов неустанно. «Все слова божьи», утешаются писатели. Однако стихотворный размер хранит объективную энергию гения, носит отпечаток своих талантливых воплощений.

Какие чудные пейзажи
Порой являет нам закат!
Над крышами многоэтажек
Дворцы небесные висят.
(Александр Кердан)

Как бронзовой золой жаровень
Жуками сыплет сонный сад.
Со мной, с моей свечою вровень
Миры расцветшие висят.
И как в неслыханную веру,
Я в эту ночь перехожу...
(Борис Пастернак)

Но как воздушные шары
Над ним висят Антимирь!
(Андрей Вознесенский)

Время поэта: договорить, дописать, объяснить. Если нельзя заговорить боль, если выносит в ближний бой — значит, проза выбрала поэта. Стихотворения на исторические темы у Александра Кердана выглядят эскизами, этюдами, набросками эпоса о жизни страны в конкретную историческую эпоху. На наш вкус, они представляют интерес и сами по себе.

Недобрая ратная слава,
Неясная сердцу тоска...
Насытилась кровью держава —
С Кавказа уходят войска.
Без почестей, проводов, песен.
И — каски пониже на лоб...
Их путь между скалами тесен
И страшен, и тяжек, как гроб.
(Александр Кердан)

Трагедия страны слишком велика, чтобы отшептаться лирикой. Следует бить по площадям, по штабам.

Тексты из поэтического избранного Александра Кердана неравноценны. В лучших своих стихотворениях поэт равный и младший в кругу полубогов XX века. Его удачи сопоставимы с поэтическими опытами Юрия Кузнецова,

Анатолия Передреева, Владимира Соколова, Николая Тряпкина, Николая Рубцова. Изучая его стихотворное наследие, нельзя отделаться от ощущения, что перед нами не Моцарт, не гуляка праздный, но великий труженик — настолько разнообразны жанрово, стилистически, метрически поэмы, сказки, переводы и песни Александра Кердана. Не мысля гордый свет забавить, воздержимся от суждений эстетического толка. Судить — рядить Кердана незачем, если его песни поют от Куршской косы до Кунашира. Лучше выписать в походный блокнот что-нибудь беспорное, и тем самым утешиться вполне.

Ах, эти встречи, расставанья,
Что выпадают как на грех...
И звезд неясное мерцание,
Похожее на первый снег.
Теперь, когда в разгаре лето,
Когда ещё не скучно жить,
Листая книжицу поэта,
По строчкам можно ворожить.
И жизнь отгадывать по строчкам,
И вновь загадывать по ним —
От многоточия до точки,
Где будешь ты неуязвим,
Как эти звёзды, что по кругу
Вращает небо над тобой,
Неуязвимы друг для друга
И общей связаны судьбой.

(Александр Кердан)

Константин Гришин

Юлия Нифонтова

ЕРМОШКА ДОБРОДЕЙ И КУРИНЫЙ БОГ

Барнаул,
2021

AR

В Алтайском крае издана новая книга Юлии Нифонтовой «Ермошка Добродей и куриный бог». Это третья часть из серии приключений девочки Оли и ее воображаемого друга домовенка Ермошки.

Каждый раз в заглавии книги о приключениях девочки Оли оказывается вынесенным совсем не ее имя, а имя спутника главной героини — домовенка Ермошки. Может быть, домовенок и есть главный герой? При изучении внутренних трансформаций, которые претерпевают герои сказки, выясняется, что Ермошка проходит такие стадии изменений, что или искаженно, или близко, но они всегда совпадают с изменениями в душе девочки. Правда, есть одно существенное отличие — если у героини этот процесс идет по-человечески естественно, плавно и в реальной жизни занимает порой продолжительное время, то домовенку приходится нагонять главную героиню чуть ли не рывками, словно обрывая каждый раз себя прошлого и начинаясь заново, вдруг кардинально меняя свою точку зрения или же также кардинально настаивая на чем-то своем. Если же домовенку приходится выполнять действия, мало связанные с непосредственным устройством быта местной нечисти, то он словно становится прямым продолжением побуждений главной героини.

Отдельного внимания стоит глагольное поведение домовенка в тексте — он «...бесцеремонно будит, толкает локтем, дает всему бескомпромиссные объяснения, с угрозой вопрошает, насаждает, сердится, гневается, повелевает...» и т.п. Другими словами, эта фольклорная сущность воплощает внезапные и нереализуемые самой девочкой детские желания, порывы и вспышки чувств. На детский способ воображаемого разрешения ситуаций указывают многократные щелканья пальцами. Девочка Оля подсознательно хочет волшебного исполнения (то есть без труда) желаний, Ермошка Добродей — щелкает пальцами и все исполняется мгновенно по его слову.

Ермошка не человек, он по своему естеству есть сущность призрачная, отражение состояния «здесь и сейчас». Домовенок в жизни главной героини девочки Оли — это осознание себя, своих ошибок, образ того, что ребенок начинает переживать в себе, но пытается наблюдать это как бы со стороны, вдруг подходя и видя свои заблуждения и порывы в некоем зеркальном отражении, которое есть «воображае-риум» детской личности.

В детском воображении происходит все что угодно, как самое ужасное, так и самое радостное, там решаются все проблемы иллюзорными

щелчками пальцев. И если у ребенка воображение играет роль развивающую, то для повзрослевшего сознания оно переходит в стадию фантазии как творческого, нестандартного способа разрешить возникающие ситуации. Потому в книгах для детского чтения иллюстрации составляют значительную часть — практическое применение фантазии взрослыми и обучение воображению детского ума. Кстати, прекрасные иллюстрации для книжной серии Юлии Нифонтовой сделаны художником Александром Ермоловичем и, что крайне важно отметить, это далеко не первый их совместный проект, потому и результат очевидно хорош.

Одной из самых важных линий сюжета, несомненно, является развитие взаимоотношений маленькой девочки и ее отчима. С самого начала читатель видит этого мужчину в искаженной детской ревностью оптике, глазами самой героини. Это выражено даже в таком, казалось бы, приписываемом матери, но на самом деле уничижительно произносимым ребенком имени отчима — Колясик. По тому общему описанию, что дает Оля, можно примерно понять ряд принципиально не отрицательных качеств отчима — он человек не глупый, имеет хороший заработок (может позволить свозить свою новую семью на отдых к морю), опрятен и не груб, готов идти на контакт с ребенком, и, главное, к нему хорошо относятся и мама Оли, и бабушка. Пожалуй, последний пункт и является для девочки камнем ревнивого преткновения, так как в подобной ситуации расположение к не принимаемому чужому человеку со стороны бабушки становится панически опасным, воспринимается как покушение на последнюю собственность.

Здесь один из самых интересных конфликтов книги — взросление как осознание того, что близкие люди не есть твоя собственность. Ребенок тянет руки к понравившимся предметам, требует внимания в любое удобное ему время и крайне возмущен, когда не получает желаемого. Такая стадия детства длится до первых столкновений с другими владельцами внимания окружающих и собственниками желаемых предметов, но постепенно приходит осознание, что мир, крутившийся лишь вокруг тебя, оказывается крутящимся вообще, сам по себе, и никакого тебя в центре нет. Так наступает

взросление, и именно его читатель наблюдает в истории девочки Оли.

Но процесс взросления сам по себе описывать не имело бы смысла, если он ничем важным не отмечен. Что же такого важного происходит с героиней книги? Повзрослев на одну историю, она совершает то преодоление, которое впервые дает поразительно добрые плоды. Оля вдруг открывает в себе способность сопереживать человеку, казавшемуся источником всех ее моральных мучений. Девочка принимает выбор матери, находя в себе источник милосердия, а с ним и человеческой радости в семье как общего, но никогда не единоличного счастья.

Что же, уместны ли здесь мотивы язычества и народных поверий, ведь все домовые и прочая мелкая нечисть — известные пакостники и хулиганы, хороши ли эти художественные образы для воспитания в детях милосердия и любви к ближним? Ответ на этот вопрос, как ни странно, совершенно не имеет отношения к этике или морализаторству, так как художественное произведение содержит в себе образы персонажей лишь в качестве элементов для реализации общего замысла. Важен нравственный опыт, что несет в себе все повествование целиком, но не отдельные элементы в повествовательной композиции.

Приключения маленькой девочки Оли — это есть авторская попытка научить юного читателя верному направлению движения души, а выбранные персонажи играют в основном замысле только подчиненную, инструментальную роль.

Можно ли надеяться, что сказочная нечисть не станет для возвращаемой в ребенка личности препятствием к нравственному совершенствованию? Но ведь не напрасно почти два тысячелетия остаются актуальными слова Тертуллиана, ребенка родителей-язычников, но переросшего невежественные понятия: «Душа человеческая по своей природе — христианка». А значит, есть основания верить, что и главная героиня — девочка Оля, и юные читатели книг Юлии Нифонтовой найдут в себе эту милосердную и любящую душу, ибо такова природа добра. Все-таки книга не о куриных божествах, не о фольклорной нечисти и не о ссорах домовых. Это сказка, рассказывающая о совершенно несказочных решениях ребенка, об обретении им внутри себя источника света.

Иван Образцов

Галина
Колесникова.

ПРИКОСНОВЕНИЕ

Барнаул,
2021

«Прикосновение» — одиннадцатый, юбилейный поэтический сборник Галины Колесниковой. Возможно, такое жизненное обстоятельство определило основную интонацию и всей книги, и в особенности, ее первой части — «Четки». Это рефлексия подведения итогов, тесно связанная с самопознанием.

Лирическая героиня осмысливает жизнь, задавая себе вечные вопросы, наполняя их содержанием собственного опыта, сомневаясь и страдая.

Я меры не знала ни в чём.
А где она, Мера?
Я веры касалась плечом.
А где она, Вера?

Кто меня в круговерть эту кинул,
Как слепого котёнка — плыви?

За каким за таким калачом
Я стою на краю мироздания?

С поисками ответа на бытийные вопросы связаны мотивы ухода, дороги, движения. Динамика, будь то петляющая тропинка, птичий полет, кружение весельной лодки или предчувствие дороги — это путь к душевному равновесию, обретению смысла и творческого озарения.

И пусть дорожный неуют
Меня измучит.
В дороге плачут и поют
Светлей и лучше.

Пространство книги охватывает три круга. Большой включает самые крупные образы («...знаком восклицательным — /В полнеба взмах»), зачастую созданные по принципу оксюморона: «...эта бездонность и это падение... вверх», «...мечется душа между небом и небом». Самоощущение поэта — как раз из большого круга.

Из краёв, где звёзд немерено,
Из неведомой галактики
Я — слезинкою утеряна...

Средний круг — прежде всего Дом, дорогая сердцу героини малая родина, ее царство свободы, где она проживала когда-то. От этой ипостаси неотрывны самые теплые, лирически пронзительные страницы книги.

Только дорога зовёт
и ведёт до крыльца
В мир, где цветёт и не вянет
Всё лучшее наше,
В дом, что и маму мою пережил,
и отца.

Малый, камерный круг книги связан с самоуглублением, нахождением важного содержания в себе.

Я полюбила мир уединенья
И праздники негромкие души.
<...>
Мне хорошо наедине с собою
Подумать, повздыхать...
да помечтать...
И золотою тонкою иглою
На сером-сером фоне
вышивать...

Лирическая героиня соединяет большое и малое пространство в единое ощущение мира, память о нем, вводя таким образом тему времени.

Так входят в студёную Лету
И в реку — с моста головой,
Зажав в кулаке, как монету,
Мир — маленький, горький,
живой.

Восприятие героиней времени, весьма драматичное в отношении его хода («Как жаль, что означены сроки, /Как мало дождей впереди!»; «Горько в такие лета/Жить не возрасту юно!») обретает величественно-мужественные краски-интонации, когда речь идет о предназначении поэта. «Обозначьте мой срок, чтоб успеть мне/О главном сказать».

Героиня ощущает себя носительницей времени («Мне кажется — спрессованное время/Проходит, как иголка, сквозь меня»), и это ощущение зачастую пронизано болью и тревогой, как, например, при воспоминании о недавнем прошлом страны.

Ветры новые в окна били —
Хоть святых из избы выноси.
Не святых выносили — души
Под неистовые ветра...

Восприятие современности тягостно: «Такие времена, /Как горворится — не было подлее», ведь приходится «...тщательно скрывать/Боль женщины и злую боль гражданки».

Но поэт связан еще и с вечностью, которая к нему взывает, и он находит в себе силы для противостояния судьбе («В лицо бросаю случаю/Перчатку чёрную!»), даже если «День — не мой. Однозначно не мой!/И столетие, видимо, тоже».

Поэту необходимо найти слово заветное, «...выстрадать тихое имя,/Чтоб вынырнуть с будущим связь». Так тема времени сопрягается с темой творчества, которое — Господень дар; живая, как песня, вода; ноты, что взлетают с листа.

Поиски Слова, слога ТАКОГО толка — важнейшая цель лирической героини, у которой жизнь сочится между строк и пролегает на стыке между реальным и поэтического. Поэтому образы творчества строятся на стыке противоположностей: белых крыльев и тьмы, серого фона и золотой иглы, неба и злоокой пучины, которая тянет вниз.

Стержневые темы творчества и родины развиваются во второй части сборника «Альбом», посвященной близким Галины Колесниковой и ее коллегам-поэтам: Марку Юдалевичу, Владимиру Коржову, Владимиру Башунову, Владимиру Казакову, Елене Безруковой, Татьяне Баймундузовой и многим другим.

Третья часть книги — «Зернышки» — интересна россыпью запечатленных эмоциональных состояний — отражений разных аспектов опыта героини. Интересны и соответствующие им художественные формы создания образов: плачущий черно-белый дождик на острие карандаша, златотканые фонари, вещь блюдец...

Автор говорит, что идет к вечной пристани, вечной цели. Один из ее аспектов — это встреча с читателем. Что и произошло.

Ольга Исупова

Анна Никольская

УШИ КОРОЛЕВЫ БЕРТЫ

Книга Анны Никольской «Уши королевы Берты» вышла несколько лет назад в одном из столичных издательств. Это детская повесть для широкого круга читателей. Настоящее издание опубликовано фирмой «40 книг».

«У каждой уважающей себя королевы должна быть тайна, — читаем в анонсе. — Но что делать, если однажды все тайное становится явным? Волшебная новогодняя сказка о том, как важно принимать себя целиком и полностью».

Так ли все просто, однозначно в этой, на первый взгляд, непритязательной, но претенциозной истории? Попробуем ответить на этот вопрос.

В детскую литературу Анна Никольская пришла двадцать лет назад. Первые ее книги похвалил алтайский прозаик Владимир Свинцов. Они были переполнены явными и скрытыми цитатами. Литературная история Никольской — пример того, как высоко можно запрыгнуть, если вовремя обратиться к мэтрам и не лениться, изучать рынок, каждый день учиться литературному ремеслу.

К достоинствам прозы Никольской следует отнести ясный, строгий стиль, напоминающий римскую прозу периода упадка. В ней нет сюсюканья. Человек жесткий, жестокий в слове, Никольская предпочитает называть вещи своими именами:

«В праздничный вечер королева, наконец, решила объявить всем имя своего жениха! Короли и принцы, прискакавшие на конях из других королевств, замирали от предвкушения. Каждый втайне надеялся, что выбор прекрасной Берты падет именно на него. А на кого еще?

— У меня самый нежный голос в округе! — хвастался принц Амадей.

— Подумаешь, голос! Зато у меня самое большое королевство! — выпячивал грудь король Гуго XVIII.

— А у меня — непобедимая армия, — вставлял принц Карл. — Она от ваших королевств, вместе взятых, и следа не оставит!

— Вы объявляете мне войну? — закипал вспыльчивый король Максимилиан.

— Пока нет, — уклончиво отвечал Карл».

Героиня книги — сказочная королева Берта IV. У нее необычные уши, которые иллюстратор Ира (она прям Ира? Или Ирина?) Августинович в новом издании повести искусно отретушировала. Рабочее название книжки было «Королевские уши». Столичные издатели внесли свои коррективы, и, в целом, справедливо — они пошли прозе автора во благо.

Схематизм книг Никольской может восприниматься как достоинство и как недостаток. Люди по этому поводу употребляют чудовищную, но характерную фразу: «На вкус и цвет фломастеры разные». Вопрос — зачем их жевать, эти фломастеры, остается мучительным и всегда современным.

Константин Гришин